

A movie poster featuring a close-up of a woman with long, wavy blonde hair and striking green eyes. She is looking directly at the camera with a serious expression. To her right, the lower half of a man's face is visible, showing a beard and mustache. He is wearing a dark suit jacket over a white shirt and a dark tie. The background is dark and moody, with some light reflecting off the woman's hair and skin. The title 'ИДЕАЛЬНЫЙ БРАК' is prominently displayed at the bottom, with 'ИДЕАЛЬНЫЙ' in white and 'БРАК' in red. The name 'АЛИСА ВЕРДИ' is in the top left corner.

АЛИСА ВЕРДИ

ИДЕАЛЬНЫЙ
БРАК

Алиса Верди

Идеальный брак

«Литнет»

2024

Верди А.

Идеальный брак / А. Верди — «Литнет», 2024

— На этом приёме ты была самая красивая. Впрочем, ты всегда самая красивая, — говорит муж, разворачивая меня к себе. Его рука ласково касается моей щеки, очерчивая контур, а потом он нежно целует в губы. Внезапно его пальцы с силой сжимают мой подбородок. — Знакомишься с моими коллегами за моей спиной?! — кричит он, грубо хватая меня за волосы. От боли из глаз льются слёзы, а разъярённое лицо Германа расплывается. Он приближается почти вплотную и рычит так, что брызги слюны попадают на кожу: — Нравится меня унижать? *** Люди завидуют моему идеальному браку. Обеспеченная жизнь, шикарный дом и верный заботливый муж. Вот только, что на самом деле скрывается за этой идеальной картинкой?..

© Верди А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Идеальная жизнь	5
Глава 2. Белые розы	8
Глава 3. Мой обычный день	11
Глава 4. Попытка номер один	13
Глава 5. Вечер только для двоих	16
Глава 6. Семейный завтрак	19
Глава 7. Сборы	22
Глава 8. Прогулка	24
Глава 9. Две проблемы	27
Глава 10. Опасности автостопа	29
Глава 11. Билет в один конец	31
Глава 12. Попытка номер два	33
Глава 13. Просто сон	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. Идеальная жизнь

Алина

— Господи, как же я ей завидую! Внешность как с обложки, офигенный красивый муж, должно быть, у нее идеальная жизнь... — вздыхает моя парикмахерша, разговаривая с администратором салона красоты.

Она говорит обо мне и думает, что я ее не слышу. Однако я уже вышла из дамской комнаты и разглядываю себя в зеркало, просто меня не видно из-за угла.

Идеальная жизнь и идеальный брак. Усмехаюсь. Да, это про меня.

Выхожу из-за перегородки и девушки замолкают, вежливо мне улыбаясь.

Тонкими длинными пальцами открываю сумочку и достаю кошелек. Расплачиваюсь картой, накидываю белый плащ и покидаю салон.

На улице поздняя весна. Уже довольно тепло, а небо такое ярко-синее и высокое, какое бывает лишь в мае.

Герман выходит из машины. Красивый — не то слово! А еще безупречно элегантный, мужественный и вообще идеальный.

— Алина! Ты великолепно выглядишь, девочка моя! — очаровательная улыбка освещает его привлекательное лицо.

Ровные белые зубы, серые глаза, правильные черты лица, русые волосы, подтянутая спортивная фигура.

— Спасибо, — скованно благодарю его я.

Он осторожно целует меня, чтобы не размазать мой макияж. Сегодня мы едем в ресторан, на мероприятие, будут все его коллеги с женами. Нужно выглядеть безупречно.

Идеально.

Галантно открывает передо мной дверцу машины, и я сажусь, приподняв длинные полы. Герман всегда вежлив и предупредителен — открыть дверь, подать пальто, пододвинуть стул, подать руку — это все в нем на уровне рефлексов.

— Птичка, мы ненадолго. Я знаю, что ты не очень любишь подобные мероприятия. Мы всего лишь со всеми поздороваемся, посидим часик-полтора для вежливости и поедем домой, идет? Потерпишь? — муж ласково приобнимает меня, и я чувствую его сильные крепкие пальцы на своем плече, когда мы, выйдя из машины, направляемся ко входу в ресторан.

Конечно, милый, потерплю.

— Ну разумеется! Я знаю, как это важно для твоей карьеры. Никаких проблем, — с наигранным энтузиазмом улыбаюсь Герману.

— Ты у меня просто потрясающая! Знаешь, как я тебя люблю?

— Знаю, — киваю я.

— Потому что я говорю тебе это каждый день? — смеется он, а в уголках его серебристых глаз расходятся тонкие, едва заметные лучики морщин.

— А еще потому, что ты заботаешься обо мне, — отвечаю я, тоже улыбаясь.

Как никто другой.

— Верно, — он нежно целует меня в висок и открывает передо мной дверь ресторана.

Внутри стильно и весьма помпезно. Мы сидим за столом, много людей, еды, напитков, смеха.

Герман разговаривает с коллегами, я вяло пытаюсь поддерживать беседу с их женами. Получается так себе. Я не слишком компанейский человек, и все эти светские беседы даются мне с трудом.

Через некоторое время я иду в дамскую комнату. Проверяю внешний вид, подправляю макияж.

Я выгляжу хорошо — идеальное черное платье с длинными рукавами подчеркивает хрупкость фигуры. Блестящие ухоженные волосы якобы небрежно забраны наверх, приоткрывая тонкую шею. Четкие скулы, выступающие ключицы. Наверное, мне не помешало бы набрать пару кило.

Я выхожу из уборной, и в этот момент в холл ресторана влетает молодой кудрявый парень. Он довольно симпатичный, но выглядит взъерошенным.

— Девушка! — обращается он ко мне. — Не знаете, где тут банкет? У нас сегодня мероприятие с начальством, а я опоздал.

— Знаю, — отвечаю я. — Идите прямо сквозь главный зал, а потом налево. Там увидите.

— А вы оттуда? — спрашивает он, оглядывая меня.

— Да, — я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу, охваченная желанием поскорей уйти.

— Тогда давайте познакомимся, раз уж мы с вами в одной компании! Я — Дима Ведянский, недавно только перевелся в ваш город, — он протягивает мне свою большую ладонь, а его улыбка простая и открытая.

Ну, не ответить было бы совсем невежливо.

— Алина. Алина Решетникова, — протягиваю я ему руку в ответ после секундной заминки.

— Ого! Вот это да! Решетникова! Жена шефа! — восклицает он, пожимая мою руку. — Приятно познакомиться!

— Ведянский, где тебя черти носят? — окликает парня грузный мужчина, выходящий из курилки.

Парень отвлекается на него, а я пячусь, отступая, и быстро разворачиваюсь, чтобы незаметно улизнуть, но при этом вдруг в кого-то врезаюсь.

Сердце подпрыгивает от неожиданности, и я делаю резкий вдох.

Древесно-пряный аромат мужского парфюма касается моих ноздрей и проникает внутрь, вызывая странную рефлекторную дрожь под коленями.

Прямо перед глазами оказывается расстегнутый ворот белой рубашки, в котором на загорелой коже груди виднеется татуировка — какой-то необычный замысловатый орнамент в виде змеи.

Высокая и мощная мужская фигура пугает меня, я ахаю и отшатываюсь.

— Простите, — шепчу я и тут же, не поднимая глаз, стремительной походкой возвращаюсь в банкетный зал.

— Все хорошо, птичка? — спрашивает меня Герман, когда я сажусь на стул рядом с ним. — Тебя долго не было.

— Да, все отлично, — улыбаюсь я.

Герман кивает и возвращается к прерванному разговору.

Через минуту в зал входит тот самый кудрявый парень. Он здоровается со всеми и извиняется за опоздание. Мой муж кивает ему на место за столом напротив нас.

— Милая, познакомься, это Дмитрий, он теперь будет в моем отделе, — говорит Герман.

— А мы уже познакомились, Герман Валерьевич! — отвечает парень с улыбкой и подмигивает мне.

— Ох, вы посмотрите! И когда только успел! — смеется коллега Германа.

— И не говори! Молодежь нынче шустрая, на пятки наступает, — отвечает мой муж с улыбкой.

— Мы встретились в холле, когда я выходила из уборной, — торопливо поясняю я.

Внутри все сжимается.

Герман бросает на меня мимолетный взгляд и кивает.

Через полчаса мы собираемся домой. Как муж и обещал — мы были там недолго.

— Ну, как тебе вечер? — спрашивает он, когда мы заходим в дом.

— По-моему, очень неплохо, — отвечаю я, с наслаждением снимая тесные туфли и проходя на кухню.

Ненавижу каблуки, но мужу они нравятся.

— Ты там была самая красивая. Впрочем, ничего неожиданного. Ты всегда самая красивая, — говорит он, хватая меня за плечи и разворачивая к себе.

Он ласково проводит пальцем по моей щеке, очерчивая контур, а потом нежно целует в губы.

Внезапно его пальцы с силой сжимают мой подбородок.

— Знакомишься с моими коллегами за моей спиной?! — кричит он.

Короткий резкий замах и мощный кулак летит мне прямоком в живот.

Сумочка выпадает из моих рук и шлепается об пол. Из нее вылетает пудреница, и пудра рассыпается по блестящему темному мрамору.

Я сгибаюсь пополам, обхватывая себя руками, и мучительно пытаюсь вдохнуть.

Перед глазами все плывет, вспыхивают яркие пятна, тошнит.

— Тебе, я смотрю, нравится ставить меня в неловкое положение? — вопит муж, грубо хватая меня за волосы и поднимая голову, заставляет смотреть ему в глаза.

Ощущение такое, что он сейчас сдерет с меня скальп живьем. От жуткой боли из глаз льются слезы, а разъяренное лицо Германа расплывается.

После чего он приближается почти вплотную и рычит так, что брызги слюны попадают на кожу:

— Нравится меня унижать?

Ну что ж, добро пожаловать в мою идеальную жизнь и мой идеальный брак.

Глава 2. Белые розы

Он зло отшвыривает меня, и я падаю на колени на холодный гладкий пол.

— Убери весь этот бардак, что ты тут устроила! — рычит Герман и быстрым шагом выходит из кухни.

Стою на четвереньках и тяжело дышу, смотря на светлые прожилки на темном мраморе плитки. Стараюсь размеренным дыханием унять боль и слезы. В висках стучит.

Медленно встаю, пытаюсь разогнуться, но до конца не получается. Так и бреду в полусогнутом состоянии, прижав одну руку к животу и преодолевая тошноту, до шкафчика, в котором лежит веник и совок. После чего собираю рассыпавшуюся пудру.

Медлить опасно, он может вернуться и проверить, убралась ли я.

Мочу тряпку в раковине и, опустившись на колени, тру пол. Нужно хорошо вымыть, чтобы, когда высохнет, не осталось разводов. На блестящей темной плитке они будут очень заметны. Не должно остаться ни пятнышка.

Когда пол идеально чист, я споласкиваю тряпку и вешаю ее сушиться в специально отведенное для этого место в шкафу под раковиной. Герман ненавидит вид тряпок, губок или других средств для уборки. Они портят интерьер.

Думаю, заплаканное лицо жены с растекшейся тушью тоже не доставит ему эстетического удовольствия, а потому, лучше не попадаться ему на глаза в таком виде.

Я сажусь прямо на пол, прислонившись спиной к боковине кухонного островка, выключив перед этим свет. Электричество нужно экономить.

Живот все еще болит, кожа на голове саднит, подкатывают волны тошноты.

В этот раз повезло, легко отделалась.

Я сижу в тонком платье на ледяном полу, подтянув колени к груди, и прислушиваюсь к звукам в доме, пытаюсь уловить, где сейчас муж и что он делает. Вскоре начинаю немного подрагивать, но едва ли обращаю на это внимание. Да и дрожь скорее нервная, чем от холода.

Он никогда не бьет меня по лицу. Ну, почти никогда, пару раз все же прилетало, в самом начале. Но он быстро понял, что бить по лицу непрактично — синяки, нос может опухнуть, глаз заплакать — такое скрыть тяжело.

А Герман совсем не дурак. Никаких лишних подозрений ни у кого возникнуть не должно.

Не зря я всегда в брюках, либо юбках в пол, и в одежде с длинными рукавами. Даже жарким летом. Закрытую одежду объяснить намного проще — берегу кожу от солнца. Вот и все.

Когда слышу, что звуки затихли, осторожно встаю и иду в ванную, чуть согнувшись.

Герман, должно быть, пошел спать. Это его обычное время отхода ко сну. Он любит режим.

Умывшись, снимаю с себя платье и тихонько крадусь в спальню. Замираю в дверях, прислушиваясь.

Дыхание ровное, тихое. Спит.

Открываю шкаф и вешаю платье на плечики, после чего невесомой тенью скольжу к постели. Нашупываю ночную рубашку под подушкой. Она шелковая, кружевная, на тонких лямках, очень неудобная. Я люблю хлопковые. Бесшумно надеваю и осторожно ложусь, морщась от боли в животе.

Герман ворочается, а я замираю и стараюсь не шевелиться, даже дыхание задерживаю. Муж не любит, когда его будят. Отвернувшись, он затихает.

Когда утром я открываю глаза, то с ужасом обнаруживаю, что Германа рядом нет. Сажусь в кровати с колотящимся сердцем — неужели проспала? Бросаю быстрый взгляд на часы — да нет, без десяти семь, до будильника еще десять минут.

Вскакиваю и, дрожащими руками накинув халат, спускаюсь на кухню. Мужа нет. Сердце тревожно колотится, а желудок сжимается. В этот момент слышу звуки открывающейся входной двери.

Испуганно оборачиваюсь и вижу, как Герман заходит на кухню. У него в руках букет цветов.

Приближается ко мне и, нежно взяв за подбородок, поднимает его вверх. Заглядывает в глаза.

— Доброе утро, — по-мальчишески и слегка виновато улыбается он. — Мы вчера немного поссорились, вот решил встать пораньше, чтобы извиниться. Не люблю, когда между нами есть какое-то напряжение.

Он протягивает мне букет. Прекрасные белые розы, десятка два, не меньше. Некоторые бутоны еще не распустились. Они очень нежные и невинные, кажутся трогательно-беззащитными.

Я беру цветы в руки и прокалываю палец до крови об острый шип на стебле.

— Красивые. Спасибо, — говорю я, машинально поднося палец ко рту, чтобы капля крови не упала на пол и не запачкала его.

— Уколола? Больно? — тут спрашивает Герман, чуть нахмурившись.

На его лице искренняя забота и беспокойство.

— Да нет, ерунда, — качаю я головой.

Это разве больно, милый?

— Прости, что вспылел, — муж обнимает меня и нежно целует, после чего отстраняет лицо и вновь заглядывает в глаза. — У нас же все хорошо?

Ага. Отлично.

— Да, все хорошо, — говорю я и улыбаюсь, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественно, а не натянуто.

Однако под его внимательным чуть прищуренным взглядом сердце испуганно ускоряет свой ритм. Порой мне кажется, что он видит меня насквозь и только делает вид, что верит.

— Ладно, — кивает муж. — Сейчас мне нужно бежать на работу, ты извини. Вечером поговорим.

— А как же завтрак? — я дотрагиваюсь до его рукава.

— Я уже позавтракал, не волнуйся, — он целует меня в щеку. — Не хотел тебя беспокоить. Хорошего дня, малыш.

— И тебе, — робко улыбаюсь я, обхватывая себя за плечи.

Он делает шаг к двери и оборачивается. Вновь возвращается и порывисто прижимает к себе. У меня перехватывает дыхание.

— Ты очень дорога мне, птичка... — хрипло шепчет он куда-то мне в волосы, крепко сжимая в объятиях. — Ты — моя. И так будет всегда, понимаешь?

У меня все дрожит внутри, рыдания рвутся из груди. Я закусываю губу, чтобы справиться с эмоциями.

— Понимаю, — хрипло выдавливаю я.

Он гладит меня по голове и спине, целуя в висок, макушку, лоб.

— Когда представляю тебя с кем-то другим, я просто... — его голос срывается.

— Тебе больно, я знаю, — тихо произношу я. — Это не удивительно, с учетом твоего... прошлого...

— Да. У меня срывает крышу. Прости меня, — горячо шепчет он.

— Я все понимаю, — глотая слезы, ласково глажу его по спине.

Мы стоим так, обнявшись еще несколько мгновений, а затем Герман нехотя отстраняется.
— Давай вечером посмотрим какой-нибудь фильм, завалившись на диван? — предлагает он.

— Отличная идея! — улыбаюсь я, быстро стирая слезы со щек.

— Тогда сама выбери, какой можно посмотреть, ладно?

— Хорошо. Еще раз спасибо за цветы, они замечательные!

— Люблю тебя, — он заглядывает мне в глаза, внимательно считывая все эмоции.

Смотрю на него искренне и открыто.

— И я, милый. Очень тебя люблю, — шепчу в ответ.

Дверь за ним закрывается, и я стою, замерев, слушая звуки с улицы. И лишь когда звук мотора его автомобиля начинает удаляться, я выдыхаю.

Ласковая нежная улыбка медленно сползает с моего лица. Я стискиваю зубы и швыряю ни в чем неповинные цветы на пол.

Белые розы разлетаются по темному гладкому мрамору.

Глава 3. Мой обычный день

Мой день расписан буквально по минутам. И нет, это не я его расписала.

На работу я не хожу, но работы мне хватает.

Мы живем в частном доме на окраине города. Это хорошее место — ты вроде как еще в городе и можешь пользоваться всеми его преимуществами, но, вместе с тем, довольно уединенно, без любопытных соседей за стенкой, а вокруг дома высокий забор.

Дом очень стильный и красивый. Дорогой, с отличным дизайнерским ремонтом. Много мрамора, стекла и хрома. Как на мой взгляд — не слишком уютное сочетание и больше подходит для офиса, но мужу нравится.

Герман — эстет, и любит безупречный порядок и чистоту. Домработницы у нас нет, а потому за домом слежу я.

Все должно быть на своих местах. Нигде ни пылинки, ни пятнышка. Постельное белье должно хрустеть от чистоты, рубашки — быть идеально выглаженными, а меню — отличаться изысканностью и разнообразием. Поэтому скучать мне некогда.

Муж позаботился о том, чтобы я была занята, а не предавалась от скуки ненужным мыслям и фантазиям. Он даже заботливо составил для меня расписание.

Например, ванную на первом этаже я мою с девяти до девяти тридцати. А с двенадцати до двенадцати сорока я вытираю пыль.

Но за отступления от графика он меня не наказывает. Как пояснил Герман, это лишь дружеский совет. Однако, следование рекомендованному времени «помогает мне быть организованней и лучше планировать мое время».

И я следую. Лишние проблемы мне ни к чему.

Иногда я смотрю телевизор. Когда глажу или готовлю. Телевизор, в отличие от интернета, не отслеживается. И муж не знает, какие программы я выбираю.

С особым интересом я смотрю разные ток-шоу, в которых обсуждают проблемы домашнего насилия. Однако, не могу похвастаться, что вынесла из них что-то очень полезное.

Особенно умиляют заявления в духе «бьют только тех, кто позволяет себя бить», «возьми да уйди» и все в таком духе.

Смешно.

Особенная ирония в том, что раньше и я так думала.

Казалось бы, в чем проблема? Взяла и ушла, правда? Это ведь так легко!

Но они не знают, о чем говорят. От такого как Герман нельзя просто уйти.

Пробовала ли я?

Еще как!

Однако, когда твой муж занимает не последний пост в правоохранительных органах, с кучей знакомств, связей и возможностей, это не такая уж простая задача.

Я пыталась сбежать два раза.

Первый раз — сразу после того, как он впервые ударил меня.

Это случилось через полгода после свадьбы. Вот так долго он продержался.

В тот день я опоздала. Задержалась с подружками в кафе. Лизка сообщила нам о том, что выходит замуж, и мы все вместе отмечали это чудесное событие.

Когда я спохватилась и взглянула на часы, то сразу же полезла в сумочку за телефоном, но он разрядился. Побежала скорее домой, ведь Герман там, наверное, волнуется!

Зайдя в дом, я включила свет в прихожей, сняла туфли и, шагнув в гостиную, сразу же увидела силуэт мужа. Он стоял в темноте гостиной и смотрел в черноту окна. Во всей его позе чувствовалось напряжение. Спина так и вовсе казалась деревянной.

— Милый, прости, я опоздала... — сразу же начала объяснять я, приближаясь к нему, чтобы обнять.

— Ты сказала, что будешь дома в восемь. Сейчас полдесятого, — не оборачиваясь произнес он. — Разве у тебя нет часов?

Что-то в его голосе насторожило меня, до этого я ни разу не замечала в нем подобных интонаций. Однако я тогда еще не настолько доверяла своей интуиции.

— Есть, но мы заболтались, и я потеряла счет времени... — я робко сделала шаг к нему.

— Я звонил тебе, — тон холодный и словно мертвый, механический.

— Да, прости, телефон разрядился... — несмотря на неясную, но вполне отчетливую тревогу, я все же приблизилась к нему.

В этот момент он внезапно развернулся и ударил меня наотмашь. От силы его удара моя голова дернулась в сторону и словно взорвалась резкой болью.

Я отлетела назад. Падая, ударилась спиной об угол шкафа, а ногой о ножку стула.

Но в тот момент я этого даже не почувствовала, настолько ошеломило меня происходящее. Да и боль от удара была такой силы, что перекрывала собой все остальные ощущения.

— Ты заставила меня ждать! Я сидел тут и волновался, пока ты бухала в баре со своим подругами-шалавами! — завопил он.

Его глаза пылали яростью, они были какими-то чужими, стеклянными, не глазами моего мужа. Он вообще сейчас был не похож на моего мужа.

У меня возникла идиотская мысль, что его подменили. Знаете, все эти истории про инопланетян, вселяющихся в тела людей... Да, вот такие дурацкие мысли возникают в моменты сильного стресса.

Словно мой мозг, не в силах принять чудовищный неожиданный факт, всеми силами старался найти какое-то другое объяснение происходящему.

Все, что угодно, только не то, что мой муж ударил меня.

Я вынырываю из воспоминаний и возвращаюсь в реальность.

Собираю валяющиеся на полу цветы и ставлю их в изящную вазу из богемского стекла. Муж часто дарит мне цветы, особенно в качестве извинений после таких вот «ссор».

И это всегда белые розы. Его любимые.

Ненавижу белые розы.

Бывает, что один букет еще не успел завянуть, а он уже приносит новый. Так что ваз у нас в доме хватает.

К счастью, такие черные полосы длятся не вечно. И между ними бывают периоды затишья.

Если же «ссора» выходит очень сильной, то в ход идут подарки посерьезней и подороже. Поэтому у меня в гардеробе есть хорошие брендовые сумки, обувь, духи, шубы...

Лишь драгоценности он не дарит. Почти не дарит. И на то есть свои причины.

Глава 4. Попытка номер один

Я ставлю цветы на стол и начинаю свою обычную рутинную уборку.

В доме два этажа, и нужно успеть прибрать везде, пропылесосить, вымыть пол, загрузить стиральную машину, погладить, сменить постельное белье, вытереть пыль, полить цветы и приготовить ужин.

В пол одиннадцатого звонит телефон. Я снимаю резиновые перчатки, в которых мою раковину на кухне, и отвечаю на видеозвонок.

— Птичка, ты как? — заботливый ласковый голос мужа и его улыбающееся лицо вызывает в моем животе нервные спазмы.

— Отлично, милый. Убираюсь. В следующий раз нужно будет купить то средство для чистки стекол, которое ты брал в последний раз. Я совсем забыла тебе сказать, что оно закончилось. А то старое оставляет разводы, — говорю я, сдувая волосы с лица, выбившиеся из пучка.

— Конечно. Непременно куплю. Разводы на стеклах выглядят ужасно, — соглашается он. — Ладно, пойду работать. Может, позвоню еще, если будет время.

— Хорошего тебя дня, дорогой.

— И тебе, милая. Целую.

Я нажимаю на отбой и кладу телефон на кухонную столешницу. Привычно ежусь, когда пальцы касаются ледяной гладкой мраморной поверхности. Слишком много мрамора, от него веет холодом.

Он проверяет. Не доверяет мне. Понимает, что его любовь к режиму и расписанию может сыграть против него, так как делает его предсказуемым.

А потому он вносит эти элементы внезапных звонков и визитов в течение дня. Он может позвонить, а может и нет, хотя чаще все же звонит, обычно по видеосвязи. А иногда может даже и заехать, под разными предложениями.

Но смысл всегда один — чтобы не расслаблялась и помнила, что под контролем.

И я помню. Помню, что не могу и шагу ступить в сторону, так как он сразу же узнает об этом.

А поняла я это после своего первого побега.

В тот вечер, когда он впервые ударил меня, реальность обрушилась на меня совершенно неожиданно. Я оказалась не готова к такому повороту событий. Но сомнений в том, что делать, у меня не было.

Единственное, я сразу же поняла, что предпринимать что-то прямо в тот же момент нельзя. А потому я не побежала собирать чемоданы. Я вообще ничего ему не сказала.

Просто молча сидела на полу и тихо глотала слезы, пытаюсь справиться с потрясением и принять новую реальность.

Он отошел очень быстро. Видимо, повлияло то, что это произошло в первый раз, и Герман еще не знал, что от меня ожидать.

— Прости меня, — подошел он ко мне и сел рядом, обняв и прижав к себе.

Он обнимал меня и гладил по голове и спине, успокаивая и тихонько покачивая, словно маленького ребенка.

— Ну все, моя девочка, не плачь, — он вытер мои слезы большими пальцами рук. — Я не хотел, просто сильно разозлился. Мне вообще такое не нравится, но больше мы с тобой подобного не допустим, да?

Мы не допустим. Мы!

То есть, он уже переложил половину ответственности за случившееся на меня!

Но я тогда еще не знала, какой должна была быть правильная реакция, а потому просто молчала, никак не реагируя на его попытки сближения.

— Послушай, ничего подобного больше не случится, я тебе обещаю! — он поднял мой подбородок и заглянул в глаза. — Но ты тоже пообещай меня не доводить, ладно?

Так вот оно что! Это моя вина! Я его довела!

Но что-то объяснять и доказывать я не посчитала нужным. Разве можно изменить взрослого сформировавшегося человека? Это бесполезно. Тут выход один — уйти.

Я ушла на следующий день, когда Герман был на работе.

Сейчас даже вспоминать смешно о моей наивности. Я реально думала, что уехать в другой город и пойти в полицию с заявлением на собственного мужа — это хорошая идея!

Но мне простительно. Тогда я еще не знала, насколько все серьезно.

Я думала, что пара сотен километров — вполне достаточно, чтобы выйти из зоны его контроля. Ну не может же он по всей стране иметь связи, верно?

Оказалось — неверно. Герман схватил меня уже через четыре часа после моего визита в полицейский участок.

После этого у нас дома состоялся очень серьезный «разговор». И муж весьма прозрачно объяснил мне, что я — его жена. А значит — мое место рядом с ним, и никак иначе.

И это было настолько доходчиво, что еще две недели после нашего «разговора» я не могла встать с кровати.

А также он рассказал, что меня ждет в случае, если я не буду вести себя благоразумно, а попытаюсь еще раз выкинуть нечто подобное.

— *Ты понимаешь, в какое положение меня поставила, Алина? Что будут думать мои коллеги, если узнают, что моя жена уехала хрен знает куда, да еще и несет всякий бред? Знаешь, каких усилий мне стоило придумать правдоподобное объяснение твоему поведению? Мне придется признать тебя недееспособной, чтобы было меньше вопросов.*

Только лишь тогда я в полной мере осознала, в какой глубокой заднице оказалась.

У меня не было никого, кого я могла бы попросить о помощи в данной ситуации.

Мой отец ушел из семьи, когда мне исполнился год, и с тех пор я ничего о нем не слышала. Даже не знаю, жив ли он.

А мама умерла, когда мне исполнилось восемнадцать. У нее был порок сердца. Моя милая, добрая, заботливая и самая лучшая мамочка на свете ушла слишком рано, красивой и молодой, оставив меня совсем одну.

Никакой другой родни у меня не было.

Каких-то серьезных знакомых, которые могли бы за меня вписаться, тоже не было, лишь пара подруг, да и то — скорее хороших знакомых, которые точно никак бы мне не помогли.

А после этой ситуации и они исчезли из моей жизни. Герману они не нравились, и он винил их в том, что они плохо на меня влияют. Поэтому он настоял на том, чтобы я перестала с ними общаться.

Три года брака. Из них два с половиной я ни с кем, кроме мужа, не разговаривала. Ну, если не считать за разговор мои объяснения парикмахерше как именно уложить волосы, или просьбы продавщице в магазине одежды принести мне другой размер.

«Почему бы тебе просто не уйти от него?»

Просто не уйти. Ну да, это же так просто!

Насилие ломает тебя. Ты начинаешь бояться всего. И больше всего — разозлить его. Твои мысли заняты лишь тем, как бы сделать так, чтобы он остался доволен.

И нет, ты не думаешь о сопротивлении. Потому что знаешь, что от этого *будет только хуже*.

К вечеру у меня все готово. Я ведь очень хорошая жена. Идеальная.

Еще раз пробегаю по дому перед приходом мужа, все проверяя. Его может вывести из себя любая мелочь, вроде неплотно закрытого шкафчика или отпечатка пальца на зеркале.

На самом деле, он может выйти из себя и тогда, когда все идеально, я просто стараюсь, по-возможности, минимизировать поводы.

Мне сейчас нельзя его злить. Я не могу завтра валяться в кровати, если он разозлится слишком сильно.

Только не завтра. Завтра важный день.

Глава 5. Вечер только для двоих

— Я так соскучился! — Герман притягивает меня к себе и крепко обнимает, целуя в шею. Вдыхаю запах его парфюма. Цитрусовые, белый мускус, амбра... Помню, как я с ума сходила от этого аромата.

— И я! Всегда скучаю по тебе, — говорю я, ласково прижимаясь к нему.

Как же сложно порой выдавливать из себя нежную улыбку! Однако я с этим справляюсь блестяще. Можно поступать в театральный.

— Прямо-таки всегда? — смеется он, отстраняясь и заглядывая в мое лицо.

Переигрывать нельзя, он не дурак.

— Да, всегда, — подтверждаю кивком, прямо глядя ему в глаза. — Я просто не люблю, когда мы... ссоримся, — шепчу я, на последнем слове отводя глаза.

— Я знаю, малыш, — Герман проводит пальцами по моей щеке. — Я тоже не люблю. Всегда чувствую себя не в своей тарелке. Потом так на душе беспокойно. Хожу весь день, как в воду опущенный. Тревожусь, переживаю. Знаешь, я был бы рад, если бы мы с тобой вообще никогда не ссорились, — он целует меня в макушку.

А уж как я была бы рада!

— Как же мне нравится твой запах... — бормочет он, нюхая мои волосы.

После чего резко разворачивает меня спиной к себе, а его руки проникают под мою кофту. Они мнут мне грудь, пощипывают соски, он легонько кусает меня за шею, а потом, уже куда сильнее, в плечо, надавливает на спину, заставляя наклониться и упереться руками в стол.

Герман в сексе всегда весьма груб и очень настойчив. Помню, раньше мне это даже нравилось.

Я воспринимала все эти укусы, щипки и шлепки как часть любовной игры. Но думаю, ему просто доставляет удовольствие причинять мне боль.

Впрочем, вполне возможно, что его возбуждает не боль, а власть надо мной. Чувство вседозволенности. Ощущение, что он может делать со мной все, что хочет.

Но это просто мои догадки и размышления, не больше. На самом деле, я не имею ни малейшего представления, что у него в голове.

Он задирает на мне юбку и стягивает вниз трусики. Его пальцы скользят мне между ног.

— Какая ты мокренькая... так быстро возбудилась... — он тяжело дышит и продолжает наглаживать меня пальцами.

Немного увлажняющего геля перед приходом мужа очень помогает и ощущается абсолютно натурально.

Я стою, опираясь на стол, пока мой муж трахает меня, и думаю о том, как же давно прошло то время, когда меня интересовал секс.

Сейчас это очередная повинность, обязанность, которую нужно исполнять качественно, безупречно, идеально.

После хорошего секса Герман почти никогда не бьет меня. Так что, я старательно ее исполняю, усердно изображая страсть и удовольствие от процесса, который когда-то мне и правда нравился.

При должной практике почти любая женщина может очень натурально изобразить оргазм. Главное, не переигрывать.

После того, как все заканчивается, иду в ванную, чтобы быстро привести себя в порядок, и возвращаюсь на кухню накрыть на стол.

Аккуратно раскладываю приборы. Еще раз протираю бокалы, на которых не должно быть видно отпечатков пальцев, осторожно держа за ножку.

Усевшись, Герман расправляет на коленях безупречно отутюженную салфетку и внимательно оглядывает поданное блюдо.

Свинные медальоны в сливочном соусе с белыми грибами и луком. На гарнир маленькие молодые картофелины, запеченные с розмарином.

Муж берет в руки вилку и нож. Он держит приборы очень аристократично. Помню, как меня впечатлила его манера есть, когда мы ужинали на первом свидании.

Он отрезает ножом кусочек от медальона и, подцепив его вилкой, макает в соус и отправляет в рот. Я не дышу, пока он жует.

— Мясо очень хорошо получилось, — кивает, наконец, он. — Мягкое, нежное.

— Спасибо, — улыбаюсь я. — Я рада, что тебе нравится.

Пока он ужинает, я ковыряю в своей тарелке, пытаюсь хотя бы делать вид, что тоже ем. Есть нормально рядом с ним я не могу, нет аппетита. Еда в горле застревает.

Наверное, поэтому я такая худая — почти не ужинаю.

— И пирог вкусный, — говорит он позже, пробуя пирог с лимоном, который я подаю к чаю. — Ты вымешивала тесто, как я тебе говорил?

— Да, милый. Я все делаю, как ты мне говоришь.

Он поднимает на меня взгляд и внимательно рассматривает мое лицо. Я тут же нацепляю легкую фальшивую улыбку, которую не отличить от настоящей.

— Молодец. Видишь, когда ты стараешься, у тебя все получается. Ты у меня — настоящее сокровище. Ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю? — его взгляд буквально прожигает меня насквозь.

— Да, знаю.

Еще бы мне не знать. Очень сильно.

Мы заканчиваем ужин, потом я убираю посуду, и мы усаживаемся на диван, чтобы, как и собирались, посмотреть фильм. И да, я не забыла его выбрать. Разумеется, я ориентировалась на вкус Германа, а не на мой.

Мне вообще по барабану что смотреть, так как я не слежу за происходящим на экране, полностью погрузившись в свои мысли.

Сидим, обнявшись, в полутьме гостиной в нашем холодном красивом доме, накрывшись мягким пледом. Герман притянул меня к себе, а я прильнула к нему, положив голову на его широкое плечо. Просто идиллия.

— Как тебе фильм, птичка? — спрашивает муж, целуя меня в висок.

На экране уже появились финальные титры.

Поворачиваюсь и смотрю на него. У него красивые и правильные черты лица, но жесткие линии и складки выдают в нем жестокость. Я и раньше замечала их, но думала, что это просто отпечаток профессии.

— Интересный, только я не все поняла. Как он догадался, что убийца — это тот парень с прачечной? Улик же против него не было.

— Интуиция. У полицейских она знаешь какая? Особенно когда большой опыт. А уж у фсбшников и подавно, — снисходительно поясняет он. — От нас что-то утаить совсем не просто. Все узнаем, всех найдем, — смеется муж.

У меня холодок по спине пробегает. Это просто слова или намек? Сердце замирает от тревоги и волнения.

Муж идет спать, а я направляюсь в свою ванную подготовиться ко сну. Снимаю одежду, чтобы принять душ, и бросаю мимолетный взгляд в большое зеркало над раковиной.

Без одежды я выгляжу хреново. На груди, животе, руках, ногах синяки всех цветов радуги. Какие-то все еще ярко багровые, а какие-то уже желто-зеленые.

На спину лучше вообще не смотреть, ей обычно достается больше всего.

«У тебя просто хрупкие сосуды, детка».

Ну да, дело, конечно, только в этом.

Но синяки у меня и правда появляются легко, а проходят долго, поэтому и похожа сейчас на гепарда. На плече новый след от укуса, вскоре он потемнеет.

«Это же в порыве страсти, птичка. Никак не могу удержаться, так и хочется тебя съесть».

Появились еще новые следы от его пальцев на груди. Но это мелочи. Вот когда он бьет меня в грудь кулаком, то следы намного больше, и болит потом долго.

А еще у меня есть шрам на голове, но его не видно под волосами. В тот день Герману пришлось везти меня в больницу.

«Посмотри, что ты наделала! Ты испачкала кровью весь пол! И новый ковер! Ты знаешь, что это дорогой ковер? Мне теперь придется его выбросить. Думаешь, мне деньги просто так достаются?»

Он не хотел, конечно, ехать в больницу, ждал, когда само пройдет. Но кровотечение было таким сильным, что в итоге ему пришлось, чтобы наложили швы. Сказал врачу, что я ударилась в темноте о косяк двери.

Да, в принципе, так и было, вот только я не сама ударилась. Уже не помню, в чем я в тот раз провинилась. Возможно, что-то не так ответила или положила морковь не на ту полку в холодильнике.

Принимаю душ и иду в постель.

Этой ночью я не могу сомкнуть глаз. Лежу, безуспешно уговаривая себя поспать хоть немного. Мне нужно отдохнуть, нужны силы, но все бесполезно. Чем больше я пытаюсь уснуть, тем сложнее это сделать.

Мысли так и крутятся в голове.

Мне очень страшно, и несколько раз приходит трусливое подленькое желание отложить все до следующего раза. Но нет, нельзя. Нельзя откладывать.

Сейчас все складывается удачно. Я все продумала до мелочей. И я готова.

Я сделала выводы после первого раза, и особенно после второго.

В этот раз все будет по-другому. Я знаю, я не совершу прежних ошибок.

Но ты ведь не такая умная, как твой муж. Наверняка ты что-то пропустила. Какую-то элементарную вещь, которая тебя и выдаст. И ты знаешь, что будет, когда он схватит тебя?

Жуткий страх накатывает, накрывая с головой и вызывая паническую атаку.

Лежу и тяжело дышу, сжимая и разжимая кулаки. Сердце бешено колотится, меня бросает в пот, в груди покалывает, мне не хватает воздуха, тошнит.

Медленный глубокий вдох, пауза, выдох, пауза.

Переживать паническую атаку, пытаясь при этом не разбудить спящего рядом мужа — то еще удовольствие!

Так, все, Алина. Успокойся. Все будет хорошо.

У тебя все получится. Ты справишься.

Глава 6. Семейный завтрак

Думаю, за всю ночь мне удалось подремать минут двадцать. Лучше бы совсем не спала, так как состояние после такого короткого сна жутко вареное.

Я встаю, надеваю шелковый халат и, зябко ежась, на автомате готовлю мужу завтрак.

— Доброе утро, дорогая, — он входит на кухню и целует меня в щеку.

— Доброе утро! Садись, уже все готово. Сейчас налью тебе кофе, — я стараюсь суетиться и вести себя также, как и обычно, чтобы ничем себя не выдать.

— У тебя все хорошо? — спрашивает Герман.

Я замираю.

Черт! Почему он спрашивает? Что я сделала не так? Страх сжимает внутренности, а рту мгновенно пересыхает.

— Да, все как обычно, а что? — поворачиваюсь я, пряча ужас за легкой улыбкой.

— У тебя глаза красные.

Блин! Какой же он внимательный и наблюдательный! Ничего от него не скроешь.

И ты хочешь его перехитрить?

Да, хочу!

Тогда соберись, Алина!

— Я не очень хорошо спала. Знаешь, иногда у меня бывает, — отвечаю я.

Этот ответ должен его устроить. Не в первый раз я не сплю ночью из-за кошмаров, и муж знает это.

— Понятно. Тогда сегодня вечером ложись пораньше, — в его голосе искренняя забота и участие.

— Да, конечно, — киваю я, пододвигая к нему тарелку с яичницей.

Муж неспешно завтракает, а я напряжена как струна. Смотрю, как он макает хлебный мякиш в полужидкий желток глазуньи, а к горлу подкатывает тошнота от тревожного томительного волнения.

Считаю про себя секунды, тянущиеся мучительно медленно. Как же хочется, чтобы он поскорей ушел!

Нельзя показывать свое нетерпение. Возьми себя в руки, Алина. Веди себя как обычно.

Я беру тряпку и начинаю протирать и без того чистую столешницу.

— Алина.

Я дергаюсь и испуганно поворачиваюсь.

— Где мой кофе?

Бог мой!

Тряпка выпадает из моих рук, а я хватаю кружку с кофе нервно дрожащими пальцами и торопливо ставлю на стол, при этом от моих дерганных движений кофе чуть не расплескивается.

Словно в замедленной съемке, я вижу, как одна единственная капелька летит мужу на пиджак. Новый пиджак!

Проклятье!

Я в ужасе замираю, понимая, что это конец.

Нет! Нет! Только не это!

Я все испортила! Запорола! Такой шанс! Тупица!

Герман переводит на меня тяжелый взгляд.

Внутри все сжимается. Сердце выпрыгивает из груди.

Ну все.

— Я сейчас з-замою... — заикаясь бормочу я, в панике хватая бумажное полотенце.

Вижу, как ходят желваки на его лице. Группируюсь и напрягаю пресс, руки наготове.

— Оставь, ничего не видно, — в итоге произносит он.

Я выдыхаю и стираю бумажным полотенцем, зажатым в кулаке, пот, выступивший над верхней губой. Бумага уже тоже влажная от мгновенно взмокших ладоней.

— Прости, — еле слышно шепчу я, все еще до конца не веря, что гроза миновала.

— Случается, — мягко говорит он. — Могу лишь списать твою рассеянность на то, что ты не выпалась. Постарайся взять себя в руки.

— Да, хорошо. Я... я, наверное, еще не проснулась до конца. Сейчас выпью кофе и все пройдет, — торопливо отвечаю я. — Спасибо.

Он снисходительно кивает.

Берет кружку и делает глоток. Пробует на вкус, словно ждет, что кофе окажется невкусным. Но вкус такой же как обычно, и потому он молчит.

— Для тебя же лучше, если ты будешь более собранной, — говорит муж, вставая из-за стола.

— Герман, я... — начинаю оправдываться я.

— Ну-ну, — он похлопывает меня по плечу, — ничего же не случилось. Все в порядке, да?

Я судорожно киваю.

— Ладно, мне пора, — говорит он, доставая из ящичка ключи от машины.

— Хорошего дня, милый, — я делаю шаг для того, чтобы поцеловать его.

— И тебе, — он отвечает на мой поцелуй.

В этот раз пронесло.

Муж выходит из дома, а я стою на кухне с колотящимся сердцем.

Нужно и правда собраться.

Даю себе минуту на то, чтобы настроиться.

Я понимаю тех женщин, что боятся сбежать. Я тоже боюсь.

Знаете, как это?

Такое ощущение, что огромный животный страх сковывает не только движения, но даже твои мысли. Ты боишься что-то сделать, предпринять. Боишься дышать, боишься жить.

Хочется забиться в какой-то уголок или норку и спрятаться там от всего. Но такого безопасного места не существует.

Ты думаешь о побеге, но не веришь в успех. Кажется, что от этого не спастись, что ты обречена на это все навечно.

Тем, кто не испытал этой абсолютной всепоглощающей беспомощности и отчаяния, не понять, как можно бояться уйти. Им не понять, насколько сильный страх живет внутри.

А что будет, если он узнает, что ты собираешься сбежать? А если он потом поймает тебя?

Эти мысли не дают тебе дышать, не дают думать, не дают действовать. Они лишают тебя воли.

Решиться на такой отчаянный шаг не просто. Это риск. И нужно все очень хорошо спланировать, отложив в сторону эмоции.

Так, ладно. В прошлый раз я была уверена, что все продумала. Однако, закончилось все плохо. Не исключено, что я и в этот раз проколюсь, но нужно рискнуть, хоть и очень страшно.

Но оставаться еще страшнее. Следующая возможность может подвернуться не скоро.

Стою и смотрю в окно, но ничего не вижу. Я просто дышу, стараясь собраться с силами для того, чтобы сделать то, что давно планировала.

Нужно очень хорошо постараться, потому что ставки высоки.

Раз-два-три-четыре... Вдох-пауза-выдох-пауза...

Все, Алина. Давай!

Глава 7. Сборы

Я решительно иду в спальню и надеваю джинсы, топ с длинными рукавами и легкую матерчатую куртку.

Достаю спортивную сумку, в которую укладываю заранее приготовленную одежду. Всего лишь несколько вещей на смену.

Достаю прикрепленный скотчем к задней части батареи конверт с деньгами. Их не так уж чтобы много, но и то, что есть, скопить было нелегко.

Герман никогда не давал мне наличные. Только карту, чтобы он мог отследить все расходы, а снятие нала на ней заблокировано. Он меня не сильно ограничивал в тратах, но я должна была отчитаться за каждый потраченный рубль.

Поэтому мне пришлось хитрить и изворачиваться. Частично эти деньги я у него украла. Понемногу, конечно, чтобы он не заметил, вытаскивала у него из кошелька. Благо, сам он наличными пользовался весьма активно.

Я делала это в течение месяцев, чувствуя себя настоящей воровкой. Этих денег было явно недостаточно для побега, но достаточно для того, чтобы осуществить часть моего плана.

Логичным решением было бы продать драгоценности, но Герман не дурак, и их мне практически не дарил.

У меня была цепочка с подвеской, браслет, сережки и одно кольцо, помимо обручального. Думаю, что если бы у меня совсем ничего не было, то это могло бы выглядеть странно.

Ну и если бы пропало что-то из этих вещей, то это бы сразу стало заметно, так как я постоянно носила эти драгоценности.

Однако, тут я нашла выход из ситуации — я заказала подделки. Договорилась с одним парнем, работающем в ювелирном, оплатив заказ украденными наличными.

Но вырученных денег все же было не так и много. Поэтому я еще купила на рынке китайские подделки под две моих брендовых сумки. Причем, сначала я нашла подделки, а потом уже выбрала под них оригиналы, которые потом успешно продала в ломбард.

К сожалению, больше собрать незаметно денег мне не удалось. Так что, придется экономить.

В сумку я кладу также несколько протеиновых батончиков, бутылку воды, два бутерброда с сыром, пару белья, носки и документы.

Сумка не должна быть слишком большой. Она должна выглядеть так, словно я направляюсь в фитнес-клуб, а не уезжаю из города.

Беру на кухне ножницы и торопливо обрезаю свои длинные, почти до талии, волосы. Они светло-русые, летом прядки выгорают, превращая меня в блондинку, а еще блестящие, красивые и густые. Моя гордость.

Они так нравятся мужу, он никогда не разрешал мне их обрезать, можно было лишь подровнять кончики.

Режу нервными быстрыми движениями, получается, разумеется, криво, но мне сейчас плевать.

Они слишком объемные, и под париком их спрятать сложно, я уже пыталась, так что, выбора нет. После чего тщательно собираю их и убираю в пакет, выброшу по дороге.

Голове странно и непривычно легко.

Достаю парик, засунутый под одеждой в шкафу, и, спрятав свои, уже теперь короткие, волосы под сеткой, натягиваю его. Черное удлиненное каре мне не слишком идет, но какая, к черту, разница!

Хватаю косметичку и ярко крашу брови и губы, после чего тоже кладу ее в сумку.

Вытаскиваю из секретного разреза, сделанного мною в матрасе, купленный заранее дешевый смартфон, свой же выключаю и убираю в ящик тумбочки.

Торопливо оглядываю дом. Буду ли я по нему скучать? Да, наверное.

И вовсе не потому, что мне тут было хорошо с мужем. Хорошо мне было лишь в первые полгода, когда я была до безумия влюблена в Германа.

И не потому, что у меня тут возникало чувство уюта и теплоты. Не возникало. Дом всегда казался мне безликим и отстраненно-чужим. С его идеальным порядком, холодным мрамором и равнодушным стеклом. Ледяной блеск хрома так вообще угнетал.

А скучать я буду скорее по тому, что сейчас этот дом для меня означает определенность.

Я знаю, что тут и где, это знакомая территория, а там, снаружи, для меня все новое и неизведанное. Там очень страшно.

Герман сумел внушить мне страх перед внешним миром, день за днем повторяя, какая я беспомощная перед подстерегающими снаружи опасностями, и как старательно он обо мне заботится и оберегает.

Прекрасно понимаю, что все это элементы психологического давления и манипуляции, но тем не менее, все равно боюсь.

Ведь, по сути, все последние годы этот дом и был моим миром. Я даже в супермаркет за покупками не ходила, выходя в основном только с мужем, и лишь изредка одна в салон или торговый центр.

Делаю судорожный вдох, проклиная свою трусость и нерешительность.

Взгляд невольно останавливается на белых розах, стоящих в хрустальной вазе на столе.

Как бы ни было страшно снаружи — *его* я боюсь больше.

Вешаю сумку на плечо, беру пакет с волосами и, еще раз глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, выхожу наружу.

Глава 8. Прогулка

Возле калитки оглядываюсь на наш дом. Снаружи он выглядит куда как скромнее. Нет, он добротный и симпатичный, но думаю, что, если бы к нам пришли гости, то они были бы удивлены разницей между внешней добротностью и внутренним шиком.

Вот только к нам не приходят гости.

На мой взгляд, такой дом явно не по средствам работнику правоохранительных органов, даже высокопоставленному.

Однако, я никогда не спрашивала у мужа, откуда у него деньги, так как «финансовые вопросы тебя не должны волновать, птичка».

Сердце колотится как ненормальное. Я быстро подхожу к калитке и выхожу наружу.

Наш дом стоит в самом начале частного сектора. Нужно пройти всего один квартал до городских улиц, но я иду в противоположную сторону.

Муж как-то говорил, что сейчас на улицах очень много камер, особенно на больших и многолюдных.

Я, конечно, понимаю, что Герман не сможет просмотреть записи со всех камер города, но уж те, что рядом с выходом с частного сектора точно просмотрит, чтобы узнать, куда я дальше направилась.

А потому я выбираю не самую короткую и удобную дорогу, чтобы не попасть на эти записи. На самом деле, просто перестраховываюсь. За все это время я стала параноиком.

Иду вдоль заборов по не слишком ровной дороге, вжав голову в плечи и глядя себе под ноги. Смотрю, как мои бело-розовые кроссовки поднимают маленькие облачка пыли при каждом шаге. Дожда давно не было.

Ну улице еще довольно прохладно, я бы даже сказала свежо, но на небе ни облачка и, думаю, вскоре потеплеет. Где-то вдалеке лают собаки и даже кукарекает петух.

У меня на носу большие солнцезащитные очки, хоть утреннее солнце еще не слишком яркое. Они скрывают пол-лица, парик же закрывает еще добрую часть.

Но все же опасаясь, что меня могут узнать соседи, поэтому пытаюсь проскочить эту зону как можно незаметнее.

Хочется побежать, но я старательно сдерживаю себя, заставляя придерживаться обычного шага. Иду так, словно я на прогулке.

Чувствую себя очень странно. Так, словно я воровка или преступница. Мне кажется, все вокруг смотрят на меня.

Нервно оглядываюсь, но не вижу рядом ни души.

Однако ощущение, что за мной наблюдают не покидает.

Может, кто-то смотрит из окна дома? Или же наблюдатель находится в одном из припаркованных на обочине автомобилей?

Ну или, что тоже нельзя исключать, это просто разыгралось мое воображение.

Однако, в последние годы я научилась доверять своей интуиции.

Чувствую, как начинает накрывать паника. Подкатывает волнами, скручивая узел в животе. По спине скатывается капелька пота, хотя пока еще совсем не жарко.

Может, повернуть назад, пока не поздно?

Нет, скорее всего, это просто нервы. Никто не может наблюдать за мной. Герман уехал на работу. У него сегодня важное совещание, а потому он навряд ли вернется, именно по этой причине я и выбрала сегодняшний день.

Покидаю частный сектор сильно южнее и стараюсь держаться небольших улочек. Моя цель — салон связи, мне нужна сим-карта.

По дороге вижу урну возле автобусной остановки и бросаю в нее пакет с волосами.

Через минут двадцать я уже выхожу из магазина и, свернув на тенистую боковую улочку, подальше от посторонних глаз, достаю свой второй секретный телефон.

Открыв приложение мессенджера, которое я заранее установила в него еще дома, и активированное с моего обычного номера, я выбираю контакт «Любимый муж».

Телефон подрагивает в руках от волнения, а пульс разгоняется и стучит в ушах. В моем плане хватает уязвимых мест, и это одно из них. Остается лишь надеяться, что все пройдет хорошо.

Алина: «Милый, прости! Мне очень жаль, но я разбила свой телефон! Он выскользнул у меня из рук и упал прямо на пол. Я так переживаю, ведь это был твой подарок!»

Сообщение оказывается прочитанным почти сразу.

Герман: «Ты пишешь мне через приложение для компьютера?»

Алина: «Да. Я просто подумала, вдруг ты будешь звонить мне и волноваться, что я не отвечаю. Поэтому решила предупредить. Прости, что отвлекаю на работе»

Герман: «Хорошо, что ты догадалась написать с приложения. Но мне очень не нравится эта ситуация, Алина. Ты должна всегда быть на связи»

Алина: «Да, я знаю! Прости! Я сегодня такая рассеянная из-за этой бессонницы, сама не понимаю, как так получилось, что я уронила его. Я поставлю звук на колонках компьютера на максимум и буду постоянно проверять приложение, чтобы сразу ответить, если ты напишешь»

Пауза. Я жду, нервно трясясь и закусив губу до боли.

Герман: «Ладно. Если смогу, то заеду попозже, проведу тебя. Но не обещаю»

Сердце пропускает удар.

Алина: «Конечно, любимый! Буду рада»

Нет, он блефует!

Он не знает, что я знаю, что сегодня у них Большое Совещание, ведь он не говорил мне. Я узнала это от жены его коллеги, еще на прошлом корпоративе, несколько месяцев назад.

Если, конечно, с тех пор ничего не изменилось.

Нет, не должно было измениться. Все съехались с регионов для совещания, вот и устроили банкет по поводу встречи.

И пиджак сегодня Герман надел новый. Все сходится.

Я несколько месяцев ждала этого дня, чтобы выиграть себе фору.

А Герман специально так сказал, чтобы я не думала, что, оставшись без телефона, я осталась без контроля. Он не приедет.

Выдыхаю и убираю телефон в карман, предварительно убедившись, что на уведомлениях стоит вибро и максимально громкий сигнал. Я не должна пропустить его сообщения, ведь если я не отвечу, он может сорваться и приехать.

Да, вполне может забить на совещание и рвануть домой, если почувствует угрозу или заподозрит, что что-то не так.

На моем навороченном смартфоне последней модели, что я оставила дома, нет мобильного интернета. Такой тариф выбрал для меня муж, оставив мне лишь домашний вай-фай.

Ведь мобильный интернет сложнее контролировать, а по домашнему он легко узнает, на какие сайты я заходила, даже если их удалить из истории браузера. У него есть какая-то специальная программа.

К тому же, я уверена, в том моем телефоне стоит жучок, передающий Герману мое местоположение.

Вот я и купила второй телефон и другую симку для того, чтобы отвечать мужу по мессенджеру, якобы с домашнего компьютера. Он у нас стационарный, на нем нет ни камеры, ни микрофона, а значит, и звонить Герман мне не будет.

Вот такой сложный план, но лучше перестраховаться. Если муж схватит меня и в этот раз, то я вовсе не уверена, что смогу пережить последствия его гнева.

И это не просто фигура речи.

Глава 9. Две проблемы

Итак, у меня есть фора. Теперь нельзя терять времени. Нужно валить!

Я торопливо иду по улице, бросая нервные взгляды по сторонам.

А вдруг он все же поехал проверить меня? Вдруг не поверил? Заподозрил что-то?

Пот выступает на спине и над верхней губой. Пульс шарашит в голове молотом.

Я панически разглядываю все проезжающие автомобили, боясь увидеть машину моего мужа.

Как же много в городе серых машин! И мне чудится наше авто в каждой!

Несколько раз сердце испуганно подпрыгивает и в ужасе сжимается, заведя похожие формы кузова, но это оказывается не он.

А еще не отпускает ощущение чужого взгляда, но понимаю, что это нервы. Не стал бы Герман наблюдать со стороны за моей попыткой побега, он бы давно меня схватил.

Не психуй, Алина, успокойся. Не нужно себя накручивать. Только не сейчас! Нужно сохранять холодный рассудок и не поддаваться панике.

Пытаясь немного успокоиться и отвлечься, переключаюсь с эмоций на обдумывание практической части.

У меня две основных проблемы. Одна — глобальная, вторая помельче.

Проблема номер один.

Мне нельзя светить свое настоящее имя и пользоваться документами. Вообще. Потому как я понятия не имею, какой именно доступ есть у Германа, а рисковать совсем не хочу.

Отсюда отменяются варианты перемещения на самолете или поезде, так как для оформления билетов нужен паспорт.

На автобусе можно без паспорта перемещаться лишь в пределах региона, на дальние же междугородные рейсы тоже требуются документы при покупке билета. Это я выяснила еще в предыдущие попытки побега.

Тогда я старалась убежать как можно дальше, в надежде, что вдалеке у Германа меньше возможностей и влияния.

Но, на самом деле, я сама же и рисовала ему жирную красную стрелку, указывая в каком направлении меня искать.

В этот же раз я решила быть умнее.

Несмотря на жгучее желание максимально увеличить расстояние между мной и мужем, я не поеду далеко. Останусь в нашем же регионе, тогда сведения обо мне не появятся в базе данных.

Вторая проблема — камеры. Герман очень умный, он понимает, что я захочу уехать из города, а значит, камеры на автобусном вокзале проверит в первую очередь.

И его навряд ли обманет мой парик и ярко накрашенные губы. Он меня и в парандже узнает, у него чуйка. А потому решаю доехать до ближайшего небольшого городка автостопом, а там уже купить билет на междугородний рейс.

Дохожу до нужной мне автобусной остановки и жду обычный городской автобус. На остановке пусто, лишь одна бабуля с клетчатой сумкой на колесиках.

Жарко. Воздух уже нагрелся, а солнце начинает припекать. Стою, жутко нервничая и кусая губы, и постоянно смотрю по сторонам, выискивая взглядом серебристый седан.

Чувствую себя ужасно незащищенно, словно голышом на сцене в свете софитов. Рядом даже дерева нет, чтобы встать за ним. Меня так легко тут увидеть!

Хоть бы автобус приехал побыстрее! Очень хочу оказать внутри, а не на виду. Спрятаться в его салоне. Скорее, пожалуйста!

Через несколько минут он подъезжает, и я, с облегчением запрыгнув внутрь, доезжаю до южной части города, поближе к выезду на шоссе. Выхожу на конечной остановке и иду к трассе.

Страшно ужасно! Я никогда еще не ездила автостопом. Но на такси поездка в другой город будет стоить очень дорого, и мне такое путешествие явно не по карману, так что другого варианта не вижу.

Стою несколько минут, собираясь с духом. Вдруг меня примут за проститутку? Скорее всего, так и будет. И вообще, это очень опасно.

Но не опаснее, чем жить с твоим мужем, верно, Алина?

Верно.

От страха потеют ладони и дрожат колени. Но мысли о Германе придают мне сил.

Если он найдет меня, то это закончится очень плохо. Нужно действовать. Давай, трусиха!

Я делаю шаг вперед и вытягиваю руку. Даже зажмуриваюсь от ужаса.

Слышу, как рядом со мной притормаживает автомобиль. Это белый старенький Рено. Стекло со стороны пассажирского окна опускается. На негнувшихся ногах подхожу и наклоняюсь, разглядывая водителя.

Средних лет невзрачный мужчина с редкими волосами и большими очками. В белой рубашке с короткими рукавами. Опрятный. Он явно невысокого роста и плотной комплекции. Опасно не выглядит, но...

— Вас подвезти? — спрашивает он.

Я не знаю, соглашаться ли. То есть, мне, конечно, нужно ехать, причем очень срочно, а мужчина кажется вполне безобидным, однако... что-то меня в нем напрягает.

Может, водянистые глаза, а может...

Да тебя сейчас любой мужчина будет напрягать, Алина. А женщины редко подбирают автостопперов. Так и будешь на этой трассе до вечера стоять?

Боковым зрением замечаю проезжающий мимо серебристый седан, очень похожий на машину Германа. Сердце подскакивает.

— Здравствуйте! До Павловска [1] довезете? Бесплатно. Денег у меня нет, — тут же решаюсь я.

Как вообще договариваются об автостопе?

Мужчина хмыкает.

— Садись, — он кивает на переднее сидение.

Я открываю дверь и сажусь вперед. Салон старенький, но чистый. Сильно пахнет освежителем воздуха. Приторно-сладкий запах. Жарко. Кондиционер не работает. Я пристегиваюсь.

Машина трогается с места и вливается в автомобильный поток. Выдыхаю.

Ловлю на себе взгляд водителя.

— Как так получилось, что у такой красивой девушки и нет денег? — интересуется он.

Я мгновенно напрягаюсь и вцепляюсь нервными пальцами в ремень спортивной сумки, стоящей на коленях. Вроде же нормальный вопрос, да? Или нет?

В моей голове мигает красная лампочка. Я привыкла доверять своей интуиции, однако сегодня она мне целый день подает противоречивые сигналы, и я подозреваю, что это просто паника из-за моего побега.

Спокойно, он не спросил ничего такого. Может, просто не слишком тактичный. Нужно ответить вежливо и все. Ты же не хочешь оказаться высаженной на трассе посреди поля?

— Мне пришлось уволиться с работы, и... поскольку я снимала квартиру... — начинаю я сочинять на ходу историю, но он меня перебивает.

— А твой муж знает, где ты сейчас?

[1] — Названия городов и прочих поселений в этой книге никак не привязаны к реальным географическим местам и взяты автором «с потолка»

Глава 10. Опасности автостопа

Сердце проваливается куда-то в живот.

Я пялюсь на мужчину рядом широко раскрытыми от ужаса глазами, а в моем теле бушует паника.

Мысли ураганом проносятся в голове.

Кто он?..

Работает на Германа?..

Что мне делать?..

Хватит ли у меня сил открыть дверь на ходу и выпрыгнуть из автомобиля на полной скорости?..

Дура, ты же убьешься!

Лучше так, чем снова попасть к *нему*!

Я бросаю быстрый взгляд в зеркало заднего вида, чтобы посмотреть, есть ли за нами машины. Дорога пуста.

Надо действовать!

Только я собираюсь протянуть руку к ручке двери, как слышу звук защелкивающегося замка. Он заблокировал двери!

Черт! Черт! Черт!

Сердце сейчас просто выскочит из груди, а мне катастрофически не хватает воздуха.

Так, спокойно! Нужно унять панику.

— Я задал вопрос, — как ни в чем не бывало напоминает мужчина. — Знает ли твой муж, где ты сейчас?

— М-муж?.. — тупо повторяю я, не зная, что сказать.

— Да. У тебя обручальное кольцо на пальце, — он кивает на мою руку, сжимающую ремень сумки.

Я растерянно смотрю на свою руку. И правда — кольцо. Я совсем про него забыла.

Из меня словно воздух выпускают, и я облегченно растекаюсь на кресле.

Ну я и паникерша! Чуть из автомобиля не сиганула!

— Д-да... он знает... — бормочу я рассеянно, пытаюсь выровнять дыхание и успокоить колотящееся сердце.

— Неужели? И не дал тебе денег, чтобы ты доехала до другого города на автобусе? Поэтому ты голосуешь на трассе? — хмыкает водитель, глядя на меня.

А не кажется ли ему, что это не его дело? Я вновь бросаю на него настороженный взгляд. Может, я зря расслабилась?

— Знаю я таких как ты, — тем временем продолжает он, не дожидаясь моего ответа, — найдут мужика, голову ему заморочат, прицепятся как пиявки, лишь бы на шею сесть. А этот бедолага потом горбатится с утра до ночи, зарабатывает ей на хотелки, пока она по другим мужикам шляется, заскучав от недостатка внимания. Так ведь? — его глаза злобно сверкают из-под очков.

У меня по спине пробегает холодок.

— Эм... знаете, я тут вспомнила кое-что... сначала забыла, а теперь вспомнила... я, пожалуй, здесь выйду, — торопливо говорю я. — Остановите, пожалуйста!

Мужчина качает головой, усмехается и даже не думает тормозить.

— Ну ты даешь... мы вон сколько уже проехали, а ты решила вдруг сбежать? А расплачиваться кто будет? Сначала отработай, а потом уже вали.

Отработать?.. Боги!

— Мы так не договаривались! Я не буду ничего отрабатывать. Выпустите меня, пожалуйста! — требую я, но выходит как-то жалобно.

В голове вихрем проносятся мысли.

Смогу ли я справиться с ним? Он, конечно, тюфяк по сравнению с Германом, но все же куда как здоровее меня! Что делать?!

— А ты решила, что я повезу тебя потому, что у тебя красивая физиономия, да? Что мне в радость просто посидеть рядом с такой фифой? — веселится он, довольно-таки мерзко хихикая.

А мне вот совсем не смешно. Спина покрывается липким потом.

Мой ответ, судя по всему, и не требуется. Мужчина продолжает свой монолог.

— Муж на работу поехал, а ты к любовнику рванула, да? И как же вышло, что ты без денег? Может, ты просто все профукала на дорогие шмотки? Думаешь, я не знаю, сколько стоит эта твоя куртка? Видел я эти магазины, туда простые люди даже не заходят! — с каждой фразой он распаляется все больше.

— Ну-ка, глянем, что у тебя за сумка? — он хватает мою сумку и начинает выискивать марку, я выхватываю у него из рук и отодвигаю ее подальше. — Небось тоже брендовая, да? А кроссовки? А телефон где? Что там у тебя? Ты из этих придурочных, что готовы переплачивать за яблоко на корпусе? Давай, покажи! — вопит он, хватая меня за карман куртки. — Хочу посмотреть, на что еще ты насосала! Хорошо сосеешь, значит? Ну вот это мы и проверим!

Боги, ну почему я — просто какой-то магнит для всяких ненормальных?!

Сбежать от одного и сразу же наткнуться на другого! У меня что, на лбу написано «жертва»?

Герман меня, конечно, здорово запугал. Я теперь всего на свете боюсь! Но и, вместе с тем, закалил. После него другие меня уже не впечатляют. Так что, теперь, когда меня загоняют в угол, несмотря на страх, я тоже могу показать зубы!

— Так, все! Хватит! — я резко отбрасываю от себя его руку. — Да, вы правы, я поругалась с мужем! И сейчас еду к маме автостопом, потому что он отобрал мою карту! Но могу и помириться, если надо, и ему позвонить! А он у меня знаете, где работает? В Конторе! И если хоть один волосок упадет с моей головы, он глотку за меня порвет любому! Уверены, что хотите связываться?

Мужик дергает щекой и недоверчиво косится на меня.

— Врешь, ведь?.. — неуверенно спрашивает он.

— Может, вам его фото в форме показать? Оно у меня есть в телефоне с яблоком, на который я ему насосала! — блефую я.

Он тут же замолкает. Бросает на меня быстрый взгляд и сразу же переводит его на дорогу, вцепившись в руль побелевшими пальцами.

— Ладно, я это... — бормочет он, — чет разошелся. Сегодня день такой нервный. С самого утра мозги вынесли, вот меня и понесло. Ты это... извини. Не нужно тут выходить — опасно, мало ли кто встретится, психов-то полно. Давай я тебя до города довезу, так оно надежнее будет.

Да, психов полно — это точно.

Глава 11. Билет в один конец

Меня довозят до Павловска и высаживают на окраине. Я сама попросила.

Водитель старается отделаться от меня поскорее и до конца пути не произносит больше ни слова. Ну и отлично!

Я выхожу и, сверившись с картой в телефоне, направляюсь в сторону автовокзала. Тут я чувствую себя свободнее, все же это не наш город и встретить кого-то шанс поменьше, но расслабляться, разумеется, рано. Я все еще слишком близко.

До автостанции пешком минут двадцать, и я иду быстрым шагом, чтобы не терять времени. Солнце припекает вовсю, и я снимаю свою легкую куртку и убираю в сумку. Черный парик тоже нагревается на солнце, и голова под ним потеет и очень чешется, но я терплю.

Вхожу в здание автовокзала и даже на секунду замираю. Помещение не слишком большое, но внутри многолюдно, шумно и, конечно, страшно. Я тут же теряюсь и начинаю затравленно оглядываться.

Движение, гам, люди с рюкзаками и сумками, запах кофе из бистро неподалеку, железные сидения, странные личности...

Подхожу к кассе и встаю в очередь.

Над окошком висит табло с расписанием, и я смотрю на какие направления есть рейсы в ближайшее время. Названия городов мне мало что говорят. Я практически нигде не была.

Это не мой родной регион, я переехала сюда после окончания универа, и возможностей его изучить у меня было не так много. Сначала не было ни времени, ни денег на путешествия, а потом в моей жизни появился Герман и... все.

Понятно, что кое-что слышала, но представление очень поверхностное. Открываю карту на телефоне и пытаюсь примерно по названию прикинуть местоположение того или иного города. Хочется ведь подальше, раз уж в другую область нельзя.

— Девушка, вам куда? — слышу вдруг вопрос из окошка.

Поднимаю глаза и понимаю, что очередь впереди меня рассосалась, и вопрос обращен ко мне.

Внезапно пугаюсь и замираю в нерешительности. Оборачиваюсь — за мной уже прилично так людей, и они бросают на меня нетерпеливые взгляды.

— Вы билет будете покупать или нет? — ворчит сзади лысоватый мужчина. — Вы тут не одни вообще-то.

Я вновь бросаю взгляд на табло. Слегка паникую.

Одно из названий мне нравится. Заозерье. Красиво звучит. Автобус туда отправляется через двадцать минут.

Решено!

— Мне до Заозерья. В один конец, — выпаливаю я, краснея.

Взяв билет, иду на нужную мне платформу и встаю под дерево в тенечек. Пока жду автобус, вновь открываю карту на телефоне — отдаленный небольшой город, рядом действительно несколько озер на карте и холмистые леса, судя по снимкам со спутника.

В этот момент телефон в моей руке вибрирует. Смотрю на выскочившее уведомление.

Сердце подпрыгивает и в ужасе сжимается.

Герман!

Герман: «Как дела, птичка?»

Я вижу его сообщение по уведомлению, но жду, прежде чем открыть. Предполагается ведь, что мне нужно время дойти до компьютера. После паузы открываю.

Алина: «Все хорошо милый. Все еще очень переживаю из-за телефона»

Герман: «Я куплю тебе новый»

Алина: «Спасибо!»

Герман: «Чем занимаешься?»

Алина: «Глажу белье. А потом хочу замесить тесто, чтобы к ужину налепить пельменей.

Ты ведь любишь пельмени»

Ага, любит. Причем исключительно ручной работы. Хрен тебе, а не пельмени, дорогой!

Герман: «Да, пельмени — это хорошо. Ладно, не буду тогда тебя отвлекать, а то прожжешь еще дыру в моей рубашке. Ты сегодня что-то рассеянная»

Алина: «Ты прав, прости»

Герман: «Ничего, бывает. Сейчас немного занят, но постараюсь приехать домой пораньше»

Занят — это хорошо. А вот пораньше — плохо.

Алина: «Буду ждать. Целую»

Герман: «И я тебя, милая. До встречи»

Закрываю приложение и смотрю на время.

Скорее всего, он на обеде. Думаю, навряд ли он уже сегодня мне напишет, будет занят на совещании. Да и Герман не кажется мне встревоженным.

Не хочется ехать в автобусе с активной симкой в телефоне. Муж, конечно, сейчас о ее наличии не в курсе, но вдруг начнет копать и узнает?

Так что лучше бы избавится от нее еще здесь, а не по дороге, чтобы не подсказывать ему направление моего движения.

Быстро оглядевшись, направляюсь к платформам дальних междугородних рейсов. По дороге, выключая вибро и звук на телефоне.

К одной из платформ как раз подходит автобус. Вчитываюсь в надпись на табло. Промежуточная остановка на длинном маршруте. То, что надо!

Люди выходят из автобуса — кто-то покурить, кто-то в туалет, кто-то быстро забежать в ближайший магазин на время остановки, кто-то садится на рейс. Неразбериха.

Воспользовавшись ею, я заскакиваю в салон и, пройдя пару рядов, «спотыкаюсь» и падаю на колени.

— Девушка, вам помочь? — слышу я вопрос водителя, увидевшего в зеркало, как я растянулась в проходе.

— Нет, спасибо... Ой! Вы не наш водитель! Мне кажется, я автобус перепутала! — вскакиваю я и выхожу из салона.

Телефон я успела запрятать подальше под одно из сидений во время своего «падения».

Почти бегом возвращаюсь к своей платформе. Как раз подходит мой автобус. Я прохожу в салон и сажусь подальше к окошку.

Сидения не самые удобные, в салоне неприятный запах дизельного топлива, но мое сердце бьется не только испуганно, но и в радостном предвкушении.

Когда автобус трогается, я, затаив дыхание, смотрю на удаляющееся здание автовокзала. Этот старенький и выдавший виды автобус увозит меня в новую жизнь!

Устраиваюсь поудобнее, положив сумку на соседнее пустующее кресло. Рейс предстоит длинный, до Заозерья почти четыреста километров.

Ну все! Ищи теперь меня, Герман!

Глава 12. Попытка номер два

От автора: это жесткая глава, читайте с осторожностью

Немного успокаиваюсь я лишь через час.

Чувствую, что проголодалась. Достаяю из сумки бутерброды с сыром и съедаю их, запивая водой из бутылки.

За окном всюду мелькают поля, леса, маленькие деревеньки, и я, признаться, даже испытываю удовольствие их разглядывая.

Сердце уже не колотится в груди как ненормальное, а спина не покрывается холодным потом, но все же до расслабления мне очень далеко. Я все еще прекрасно помню, как закончились мои предыдущие попытки побега. Особенно вторая.

Через несколько рядов впереди сидит женщина, на руках у нее ребенок. Я видела их, когда проходила по проходу вглубь автобуса.

Милый толстощекий карапуз, думаю, ему около года. Столько же могло бы быть моему ребенку. Может, чуть меньше.

Сердце болезненно сжимается, а в горле привычно появляется горький ком.

Это случилось примерно полтора года назад, когда я забеременела. Во мне был такой ураган эмоций, что я чуть не сошла с ума.

Но основные чувства — радость и страх. И я даже не знаю, чего было больше.

Безумная радость от того, что я теперь не одна, что внутри меня растет маленький человечек, моя крошка, которому, или которой, я могла бы подарить свою любовь и заботу, разбивалась о всепоглощающий ужас при мысли о том, какая опасность грозит ребенку рядом с моим мужем.

Этот страх, уже не только за себя, но и за еще не родившегося малыша, буквально пожирает меня изнутри.

Да, я не знала, как бы все было в реальности. Может, Герман бы ребенка обожал, а тиранил лишь меня, но проверять это я не горела желанием.

Поэтому я и решилась на еще один побег. Я должна была спасти ребенка!

И во второй раз я продумала свой побег лучше. Я уже знала, что полиции или любых других правоохранительных органов нужно было избегать любой ценой. А потому решила обратиться в специализированный центр для женщин, попавших в беду.

Было время, я даже думала, что мне удалось сбежать от него.

Целая неделя.

Неделя страха, тревоги и надежды. После чего пришел Герман. Причем, как выяснилось, он узнал о моем местонахождении еще два дня назад, но чего-то ждал.

Муж нашел меня не без помощи кого-то из центра, я так полагаю. Я так и не узнала, кто меня сдал.

Но, вероятно, у этого человека не было выбора. Как Герман умеет нажимать и убеждать, я имею очень хорошее представление.

До сих пор помню тот ужас, что охватил меня, когда ночью я проснулась от вылетевшей пинком двери в комнату, где я спала.

Тогда я подумала, что все. Вот теперь точно конец.

После того, как муж привез меня домой, мы с ним «поговорили по душам».

Герман объяснил мне, что пытаться уйти от него бесполезно, мы с ним всегда будем вместе.

Всегда.

События той ночи остались в памяти лишь частично. Это одно из свойств нашего разума — удалять все плохое и слишком травматичное.

Но есть некий набор слайдов, забыть который я не могу.

Вот я выскакиваю из машины и пытаюсь убежать от него. Но мы уже в нашем дворе, и бежать мне некуда. Это не рациональное, а чисто инстинктивное действие.

Начало октября, я в одной пижаме, очень холодно, идет дождь, газон развезло, я поскользываюсь и падаю на колени в ледяную грязь. Встаю и вновь бегу по участку в темноте. Ветки хлещут меня по лицу.

Внезапно его руки грубо хватают меня за шкуру, и Герман швыряет меня на землю. Я падаю, обдирая спину об угол садовой скамьи.

— Нет, нет... пожалуйста... — пересохшими губами прошу я, захлебываясь от ужаса, пытаюсь отползти от него.

Меня трясет и колотит так, что даже пару слов даются с трудом.

Его глаза совершенно стеклянные, пустые, чужие. Губы плотно сжаты, а ноздри раздуваются от ярости.

— Ты хоть представляешь, что мне пришлось пережить по твоей вине? — рычит он. — Я забочусь о тебе, балую, оберегаю, и это твоя благодарность? Кажется, мне стоит объяснить тебе, что значит слово «благодарность» ...

Первые пару ударов я еще могу закрываться, а потом удар его тяжелого ботинка прилетает мне в живот.

Весь воздух вылетает из меня одним махом. И вдохнуть его снова я не могу, но это уже и не важно. Какая нафиг разница, могу ли я дышать, если боль в моем животе настолько чудовищна, что больше напоминает агонию?

Ощущение, что внутри меня расплавленный свинец. Пульсирующий расплавленный свинец. Перед глазами темнеет и летают серые мушки. Понимаю, что отключаюсь.

Следующий кадр. Я не помню, что было между ними.

Я сажусь, пытаюсь опираться на руки и тяжело дыша. Из меня вырывается какой-то свистящий хрип, чувствую сильную тошноту. Волосы прилипли к вспотевшему лицу и шее.

Свет от садового фонаря освещает меня хорошо, поэтому я вижу, как на светло-розовой, но уже прилично испачканной грязью, ткани пижамных штанов в цветочек медленно расплывается красное пятно.

«Нет! Нет! Пожалуйста, нет! Господи, милый! Прости тебя! Нет! Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста...»

Следующий кадр.

Белые больничные стены. Равнодушное лицо врача. «Мне жаль, но вы потеряли ребенка».

Для меня это стало очень сильным ударом. Я приходила в себя несколько месяцев. Нет, физически я оправилась быстрее, но внутри меня осталась огромная пылающая дыра.

Разумеется, Герман сказал, что он не хотел этого, и во всем виновата я сама. Если бы я не сбежала, то ничего бы и не было.

Он, между прочим, тоже расстроился, ведь это был и его ребенок.

Он даже пытался меня утешить, в своем стиле.

Ну что ты так убиваешься, Птичка? Это же был просто комок клеток, а не ребенок. Забеременеешь еще раз, в чем проблема?

Вот только еще раз я не хотела. Тот раз был незапланированной случайностью, и я приняла ее как дар свыше. Но после выкидыша я попросила врача втихаря поставить мне спираль, так как не хотела больше беременеть от Германа.

Глава 13. Просто сон

Смотрю в окно на мелькающие за мутным пыльным стеклом деревья, и чувствую, как накатывает усталость. Глаза буквально слипаются. Я практически не спала ночью, а день вышел наполненным переживаниями и стрессами.

Вытащив из сумки куртку, я, свернув ее, подкладываю под голову и, откинув слегка спинку сидения, закрываю глаза. Засыпаю я очень быстро.

Мне снится, как машина мужа въезжает во двор. Он выходит, прихватив с переднего сидения небольшой пакет с логотипом известного бренда электроники.

Он купил мне телефон. Возможно, даже в том же салоне, где я оформляла сегодня сим-карту.

Уверена, что это хороший и дорогой аппарат какого-нибудь «женского» цвета. Скорее всего, с модным чехлом. Муж любит дарить мне подарки. И иногда даже без повода.

Он идет к дому, поднимается по ступеням на крыльцо и отпирает дверь своим ключом.

— Милая, я дома! — громко говорит он, проходя внутрь.

Кладет пакет на столик в прихожей и, сняв обувь, идет на кухню. Он замирает на входе, обведя идеально убранное и чистое помещение удивленным взглядом.

Хмурится.

— Птичка?.. — еще громче зовет Герман.

Выходит в гостиную, а на лице уже отчетливо различается напряжение.

— Алина,!!! — орет он.

После чего взлетает по лестнице и пробегает по второму этажу. Его губы сжаты в тонкую линию, на щеках багровые пятна, а глаза сверкают бешенством.

Он вновь спускается и так же проходит по всему первому этажу, заглядывая во все помещения, включая ненавистный подвал, в котором я в свое время провела немало часов взаперти.

После чего медленно возвращается в гостиную. Он подходит к большому ростовому зеркалу, висящему на стене.

Долго смотрит на себя немигающим стеклянным взглядом. Он стоит, не шевелясь, лишь его грудь часто вздымается, да раздуваются тонкие ноздри. Он делает глубокий вдох, набирая воздух в легкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.